

КАК ДЕЛА, МАЛЫШ?

Посвящается четырехлетней британской девочке
Мадлен Маккэн, пропавшей 3 мая 2007 года

Когда малыш произнес первое слово «мама», то отец – полковник интендантской службы Евгений Григорьевич – обрадовался. Десятки лет имел дело с солдатами и твердо знает: приходят на службу зелененькими, увольняются – возмужавшими. В будущем он видел своего сына таким же солдатом. Однако малыш отставал в развитии.

- Ему уже три года, а только сейчас заговорил! – не скрывал огорчения Евгений Григорьевич.

Малыш повторил: «Мам-ма!»

Жена полковника собиралась под вечер в Софию с ночевкой, чтобы наутро вернуться, так как еще кормила малыша. Там ее ждал выгодный контракт на приобретение недвижимости.

- Во сне улыбается, – говорила она из соседней комнаты, отходя от кровати ребенка. – Интересно, что он видит в это время?

- Давай, давай, – поторопил из другой комнаты Евгений Григорьевич и, широко раскрыв рот, зевнул. – Езжай, не буди его.

Она вышла на улицу. Взглядом поискала среди припаркованных у фасада машин, арендованное по этому случаю Peugeot, но мысленно представляла, как сын выходит из отеля за ней.

Когда жена закрыла дверь, полковник впал в глубокий сон, как часто бывает после утомительной службы. Малыш, почувствовав, что мать уезжает, встал и в одних трусиках отправился в коридор, чтобы ее догнать. Он шел по наитию, куда зовет его желание. Не понимал, что отель Amfoga – пристанище отдыхающих из разных стран. Не понимал также, что родители приехали на курорт, что родной дом – в другой стране. Хотел малыш лишь одного, чтобы мама была рядом и, как всегда мог почувствовать ее дыхание, услышать ее голос.

Мальчик бежал по коридору отеля в ту сторону, откуда люди шли с ужина, потом – к распахнутым дверям. В поисках родного человека он направился на близлежащую улицу между отелями. Бежал по аллее вдоль парка мини-гольфа, в сторону отеля Imperial. Миновал здание ночного клуба John Smith's Pub. На пересечении улиц были супермаркеты. Направился туда. Вокруг прогуливались люди. Некоторые из них провожали взглядом ребенка, как бы спрашивая, с кем же он?

Малыш остановился из-за порыва ветерка, ударившего в лицо и увидел животное, стоящее близко к нему. Он узнал лошадь. Продолговатое лицо ее было все в шерсти. Горячий ветерок выходил из ее ноздрей. Малыш погладил волосистую морду лошади. Она стояла кротко и дала себя потрогать.

- Мам-ма... Мама... – пролепетал он.

Подошел кучер, взял его на руки и отнес ближе к входу в супермаркет. Малыш тут же заплакал, протягивая ручки в сторону лошади. Но кучер торопился, места в тарантасе заняли новые клиенты. Немецкая чета, сидящая в нем, заговорила на своем языке:

- У этого малыша, похоже, родители задерживаются в магазине...

В это время Евгений Григорьевич неожиданно проснулся, через приоткрытую дверь увидел край постели сына.

- Вот он, я – тут! – произнес полковник. – Никуда не делся.

Встал, сходил в туалет, на обратном пути достал из бара початую бутылку Bacardi и стакан, наполнил его, а потом залпом выпил.

- Как ты там? – подал голос Евгений Григорьевич и лег в кровать.

Полковник, затаив дыхание, прислушался: не заметил ни шороха и ни плача сына.

- Правильно... – добавил Евгений Григорьевич, укрываясь одеялом с головой.
– Тебе надо больше спать. Слабому организму сон, как снадобье нужен. Ночью всех нас клонит ко сну. Мать тоже скоро будет в постели. Так что между нами разницы никакой.

Люди гуляли после ужина. Малыш бежал теперь в обратную сторону. Его заметил офицер службы охраны, дежуривший недалеко от отеля. Он не думал, что этот ребенок потерялся – такого у них не случается. Про себя заметил, что рядом с ним не было взрослых. Но каждый отдыхающий сам себе хозяин.

Малыш скрылся за угол в сторону отеля Oasis. На переходе машина, резко притормозив, уступила ему дорогу. Дальше он вышел на песчаную тропинку, которая вела к морю. Впереди виднелись дюны. Мимо прошли двое отдыхающих, которые аккуратно обогнув ребенка, продолжили свой путь. Малыш взял курс на ближнюю дюну. Но в песке ножки его увязали. Идти дальше не было возможным, поэтому, упав лицом на песок, он скатился вниз.

Откуда-то появились чайки, которые потом стали кружиться над головой мальчика. Тем временем, малыш в очередной раз хотел было взобраться на дюну, но ступни его, каждый раз потонув в песке, сползали вниз. Тогда он лег там и успокоился. Руки нащупали что-то. Это был осколок дна бутылки, стал ковырять им песок. Из ресторана отеля Kotva зазвучала песня. С помощью усилителя звук так мощно распространялся, что ее было слышно, казалось, по всему побережью. Ритмы музыки сливались с восторженными выкриками.

На бугорке показалась рыжая сучка, за ней следовало двое щенят. Она из-за дюн услышала крики чаек, которые привели ее сюда. Проснулся охотничий азарт – дать урок своему выводку. В небе собралось много чаек. Они кричали беспрестанно, в округе стоял гомон орущих птиц. Одни садились вблизи ребенка, другие – пикировали с воздуха и, настигнув его, били крыльями, клевали! Собака инстинктивно поняла, что они хотят поживиться.

- Р-р-р! – оскалила клыки собака. – Р-р-р!..

Она набросилась на них сходу! Метила в тех, кто сидел на земле. Птицы поспешно разлетелись! Показав свою удаль щенкам, она тут же очутилась около малыша. И встала перед ним, как стена. Самая крупная чайка, похожая на лидера,

висела в воздухе. Она махала крыльями и уставилась немигающими глазами на них. Ее острый и приоткрытый, с высунутым красным языком клюв, издаваемый гогот будто призывали остальных к атаке. Вот таким настырным преследованием они и ловят свою жертву. Собаку пугало именно это упорство. Они хотят полакомиться малышом.

- Гав-гав! Р-р-р! – она подпрыгнула, чтобы хватануть птицу за перья.

Чайка поднялась повыше, где собаке не достать. Тут малыш захныкал:

- Ма-ма. Мама!..

Голос человека заставил ее вздрогнуть, в то же время сучка прижалась к спине ребенка и продолжала лаять, а глаза ее следили за чайками в небе.

- Гав-гав! Р-р-р! Гав-гав! – твюкала она срывающимся голосом, будто твердила: «Прочь отсюда! Не дам его заклевать!»

- Кур-р-рк! Кур-р-рк! – протестовали птицы, будто отвечали: «Не мешай! Мы хотим есть!.. Его нашли мы!».

- «Не дам его съесть! Уходите!»

- «Лучше оберегай своих питомцев!»

Птицы вдруг ринулись на дюны, где остались ее щенки. Рыжая побежала спасать щенят – чайки могли их унести. Расчет пернатых удался. Тогда вожак направил чаек туда, где только что собака не давала им атаковать малыша. Стая теперь со всей силой набросилась на него! Тот, интуитивно заслоня лицо руками, съежился в комочек. Тугие крылья стали бить его, а клювы рвали кожу... Острая боль пробудила в малыше страх, раздался крик, который перешел потом в истошный вопль!

- Га-ак! Га-ак! – вожак, оставив жертву, первым поднялся в воздух. За ним последовали остальные. – Га-ак! Га-ак!

Малыш плакал безостановочно, он обижался на мать, что та не подходит. Собака, ведя за собой двух щенят и виляя хвостом, пробежала до малыша. Чайки кружились над ними, и то, что у них есть намерение опять напасть на малыша, сучка понимала. Поэтому она следила за ними, не отрывая взгляда от неба.

Рыжая сучка облюбовала эти дюны давно. Нравилось, что здесь никто не мешает ей и ее потомству. Если кто-то нарушал их покой, то она выходила из себя, как в этот раз. Этот день она провела спокойно, кормила своих щенят по первому требованию и отдыхала. А тут непредвиденная схватка! С наступлением темноты

щенята стали просить молока, но присутствие человечка становилось им помехой. Тут и он захныкал. Рыжая прилегла к малышу, окружив его своим телом. Почуввав тепло, он притих. Ее выпирающие тугие сосочки были на уровне губ малыша. Теплое молоко просачивалось из них, поэтому шерсть в этом месте была мокрая. В предчувствии еды ребенок востроился, замирая нутром! Губы его искали мамину грудь, и он нашел ее! Сквозь сжатые губы втягивал в рот молоко рыжей! Сучка стала облизывать его спину, окровавленную после укусов чаек. Малыш от боли протестующе вскрикнул. Но собака и после лизала его раны. У малыша было велико желание поест. Он, ручонками крепко схватив шерстяное брюхо собаки, пил молоко изо всех сил. Однако он не понимал, что им двигал в это время животный инстинкт самосохранения! Малыш оттолкнул щенка, сосущего рядом с ним. Тот грозно заурчал, как бывает с братишкой во время схватки за место. За ним – тоже щенок сосал и мешал ему. Собака была со всеми одинаково ласкова и без конца облизывала спину малыша. Прекратив сосать, малыш заплакал. Тогда сучка вздохнула как-то глубоко и, растянувшись на песке, застыла без движения. Когда щенки притихли, как обычно бывает после сытной еды, рядом с ними пристроился и человечек. Через минуту другую все спали в кольце туловища рыжей.

Малыша вдруг побеспокоил необычный шум! Он, схватив ручками за шерсть собаки, начал кряхтеть. Сучка, не меняя положения, подняла голову и увидела очертания машины. Яркие фары освещали темную мглу, живо передвигаясь прямиком к ним.

- Р-р-р! – грозно заурчала она, оголяя клыки.

Щенки, уловив состояние матери, один за другим поднялись. После вскочила и мать. С громким лаем собака набросилась на машину, спиной загорая то место, где лежал ребенок. Яркий свет и лай собак разбудили малыша.

Это был грузовик, вывозивший каждую ночь мусор. Он ехал медленно, чтобы не провалиться в песчаные ямы. Дальние фары осветили ребенка с ног до головы. Приглушив мотор, шофер остановил машину, с минуту задержался, а потом спрыгнул из кабины. Почувствовав опасность, малыш побежал за собакой, которая все еще лаяла на непрошеного гостя.

- Как дела, малыш? – подал он голос.

А потом, догнав его, взял на руки. Ребенок протестующе захныкал, вырываясь, но шофер сел с ним в кабину. Сучка все это время лаяла, опять и опять набрасываясь на мусоровоз. Угомонилась лишь тогда, когда машина скрылась за дюнами.

- Нет его в постели – нигде нет! – кричал Евгений Григорьевич на администраторшу.

Она набирала номер телефона, в тоже время, подняв глаза, спросила:

- С матерью, может быть? Никуда он не мог исчезнуть. У нас такого не бывает.

- Она не взяла его с собой, – сокрушался полковник. – Он был в постели, я сам следил.

У самого входа появился человек в униформе. Это был офицер охраны, дежуривший вблизи отеля. Он еле сдерживал себя, чтобы не впасть в сон.

- Случилось что? – спросил он.

- Сын исчез! – ответил Евгений Григорьевич. – Постель осталась – его нет, будто провалился сквозь землю. Нигде нет! Куда мог пропасть?

- Появится, – сказал офицер охраны. – Я бы заметил. Если бы тут случайный кто побывал – другое дело.

Потом он взял в руку мощный фонарь и направился проверять бассейн и прилегающую к нему территорию внутри двора отеля.

- Посмотрю, вечером тут воду сменили, – сказал он, имея в виду бассейн. – Может, заснул в песочнице?

Евгений Григорьевич застыл от растерянности, когда охранник пошел в сторону бассейна. Самое вероятное мог утонуть!

- Я пойду с вами?

- Нельзя! Стойте там. Не монету я ищу, ребенка. А чем вы поможете? Только отдыхающим мешать станете.

Евгений Григорьевич понял, что шагнуть в ту сторону без согласия на то офицера было нельзя. В словах его была строгость и ответственность за свою работу. Как военный, Евгений Григорьевич этот порядок нарушить не мог.

- Надо сообщить в полицию, – предложил полковник администраторшу. –
Время идет не в нашу пользу.

- А что, по-вашему, я делаю? – ответила она. – Пробовали постучать в соседние номера?

- Все смотрел, – обиделся Евгений Григорьевич.

- Или в ванной скрывается? – спросила она.

- Нет! – сокрушался полковник. – За кого вы меня принимаете?

Тут зазвенел телефон. Неожиданно она, посмотрев на полковника, приложила к губам указательный палец.

- Да вы что?!. Собака?

- В чем дело? – перебил ее Евгений Григорьевич.

- Водитель? – продолжала она, говоря в трубку.

- Что такое?

Полковник продолжал возмущаться:

- У вас тут такая мощная охрана, а мой ребенок выпал из вашего поля зрения!
Он же не мы. Никуда далеко не мог уйти. Сплю, а когда встал – его и след простыл!

- Вы несправедливы к нам, – заметила она.

- Опять двадцать пять! – злился Евгений Григорьевич.

- Главное – ребенок жив, а могло быть куда хуже.

- А что, например? – пробурчал полковник.

Солнечный Берег, 2011 год